

Максим Горький

На краю земли

Максим Горький
На краю земли

«Public Domain»

1829

Горький М.

На краю земли / М. Горький — «Public Domain», 1829

«Кола – городишко убогий, неказисто прилеплен на голых камнях между рек – Туломы и Колы. Жители, душ пятьсот, держатся в нем ловлей рыбы и торговлишкой с лопарями, беззащитным народцем. Торговля, как ты знаешь, основана на священном принципе „не обманешь – не продашь“. Пьют здесь так, что даже мне страшно стало, бросаю пить. Хотя норвежский ром – это вещь. Всё же прочее вместе с жителями – чепуха и никому не нужно».

Максим Горький

На краю земли

«Кола – городишко убогий, неказисто прилеплен на голых камнях между рек – Туломы и Колы. Жители, душ пятьсот, держатся в нем ловлей рыбы и торговлишкой с лопарями, беззащитным народцем. Торговля, как ты знаешь, основана на священном принципе „не обманешь – не продашь“. Пьют здесь так, что даже мне страшно стало, бросаю пить. Хотя норвежский ром – это вещь. Всё же прочее вместе с жителями – чепуха и никому не нужно».

Так писал в Крым, в 97 году, вологжанину доктору А. Н. Алексину какой-то его приятель.

Поезд Мурманской железной дороги стоит на станции Кола минуту и, кажется, только по соображениям вежливости, а не по деловым. Кратко и нехотя свистнув, он катится мимо толпы сереньких домиков «заштатного» городка дальше, к мурманскому берегу «ядовитого» океана. Происхождение слова – мурман интересно объяснил некто Левонтий Поморец:

«А по леву руку Кольского городка, ежели в море глядеть, живут мурмане, сиречь – нормане, они же и варяги, кои в древни времена приходили-приплывали из города Варде и жили у нас разбоем, чему память осталась в слове – воры, воряги. Игумен оспаривал: дескать, нормане оттого нарицаются, что в земле, в норах живут, аки звери, твердил: причина тому – холод. А я говорю: это не мурмане в норах-то живут, и не от холода, а мелкий народец лопари от страха, как бы наши промышленники живьем его не слопали. Мурман же тупым зубом не укусишь».

Рукопись Левонтия Поморца принадлежала старому революционеру С. Г. Сомову, он привез ее из сибирской ссылки, но Аким Чекин, другой «вероучитель» мой, тоже считал эту рукопись своей собственностью. Оба они весьма яростно доказывали друг другу каждый свое право собственности на сочинение Поморца, но оценивали ее разное: Чекин утверждал, что она «ф-фальетон и ер-рунда», а Сомов, заикаясь и брызгая слюной, доказывал:

– Остроумная вещь! Погодин с Костомаровым – ученые историки, а этот Поморец, наверное, ссыльный поп и жулик, но раньше их всё решил.

Мне очень нравилась эта тетрадь толстой синеватой бумаги, исписанная кудрявым почерком и приятно корявыми словами; я настойчиво и безуспешно просил Сомова подарить мне ее, а он, также безуспешно, хлопотал о том, чтоб издать рукопись. В конце концов я сделал выписки из Поморца и начал сочинять повесть о юноше, который влюбился в свою мачеху, был изгнан отцом и стал бродягой. Тут кто-то объяснил мне, что греческое слово монах значит одинокий, и я превратил бродягу в инока. Но мне показалось, что роман пасынка и мачехи достаточно использован народным творчеством и что лучше заставить героя моего влюбиться в родную сестру. Заставил. «Светские писатели, бесам подобно, измышляют над людьми», как говорил известный апостол «толстовства» Новоселов, впоследствии враг Льва Толстого и деятельный сотрудник изуверского церковного журнала, который издавался миссионером и черносотенцем Скворцовым. Затем повесть свою я уничтожил, «предав ее в пищу огню», но, разумеется, не потому, что был утрачен словами Новоселова, а от стыда за чепуху, сочиненную мной. Но кое-что из рукописи Поморца все-таки отразилось в моей «Исповеди».

Всё это относится к делу только потому, что изумляет: как недавно всё было, как странно свежо в памяти и – значит: с какой волшебной быстротою идет жизнь!

Когда поезд подкатился к Мурманску, часы показывали время около полуночи, а над океаном, не очень высоко над его свинцовой водой, сверкало солнце. Разумеется, я читал, что здесь «так принято», но, видя первый раз в жизни солнце в полночь, чувствуешь себя несколько смущенным и сомневаешься: честно ли работают часы? Вспоминаешь истины, еще не опровергнутые наукой: земной шар делится на два полушария, Земля вращается вокруг солнца... Один глупый мальчик спросил учителя:

– А зачем земля вращается?

– Это не твое дело, – мудро ответил учитель.

Зрелище добела раскаленного полуденного солнца, которое торчит над бесконечной водной равниной не то восходя, не то нисходя, – зрелище очень странное. Поведение великолепного светила кажется настолько нерешительным, что думаешь за него:

«Давненько я торчу в этой точке пространства! А не перекатиться ли мне со всеми спутниками куда-нибудь за пределы этого Млечного пути? Свободного места много...»

Вообще здесь у приезжего человека возникают смешные мысли. Но, как я убедился, местные люди примиряются с изменением небесных явлений гораздо легче и быстрее, чем с необходимостью изменить древние условия жизни на земле.

На перроне вокзала много народа и немало юных «мурманов», среди них буянят субъекты в возрасте четырех-пяти лет. Им бы давно пора спать.

Моя молодежь уходит в город, я сажусь записывать впечатления дня. По рельсам идет группа молодежи, человек десять парней и девушек, они поют:

Без тебя большевики
Обойдутся...

Надеюсь, это не про меня? Один парень лихо подсвистывает. Совершенно ясно, что солнце восходит, оно всплыло выше. На лысой горе, по ту сторону залива, блестят серебром трещины в камнях.

Проснулся я в семь часов, за окном вагона гулял серый жидкий туман, сеялась мокрая пыль. Через час вспыхнуло солнце, но более тусклое, чем оно было в полночь. Потом снова налетели ключья тумана, и снова явилось солнце. Эти капризы продолжались часа три: впечатление было такое, как бы где-то всё время открывают дверь на холод и он вторгается в город, как морозный воздух со двора в избу.

Около вокзала работает экскаватор, выкусывая железными челюстями огромные куски земли. Эта машина вызывает у меня глубокое почтение к ней, – я хорошо знаю работу землекопа, которая так нагревает поясницу, что кости в ней как будто высохли, скрипят и готовы рассыпаться. Железное чудовище с длинной шеей и глубокой пастью на месте головы гремит цепями, наклоняет шею, вырвав из холма кусочек весом в добрую тонну, поворачивает шею, приподнимает ее и, бескорыстно высыпав добычу на платформу, снова наклоняется к земле.

На работу машины смотрит женщина солидного объема, ширина ее спины и бедер едва ли меньше метра. На руке у нее головастое дитя, лет двух, сосет грудь, другую руку раскачивает человек лет пяти и, не торопясь, почти басом, убеждает:

– Мамк, иди! Чаю хочу...

Мужичок, тоже весьма крупный, сплеча бьет десятифунтовым молотом черный гранитный валун, молот упруго отскакивает, но мужичок упрямо и метко садит удар за ударом в одно и то же место, из-под молота летят искры. Валун не выдерживает и раскалывается на три куска, а победитель благодарит его за уступчивость громким, торжественным «матом». Женщина, точно она только этого и ждала, машиноподобно тащит племя свое на искусанный экскаватором пригорок, из-под ног ее обильно сыплются комья земли, мелкий булыжник.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.